

С

егодня, оглядывая прошедшую жизнь, я все больше уверяюсь в том, что мои, казалось бы, неожиданные встречи с поэтами и прозаиками, которые сказали свое слово в современной отечественной литературе, вовсе не были случайными, что они predeterminedены в юности и молодости, когда я впервые прикоснулся душой и сердцем к их творчеству.

В 1967 году я купил в киоске «Союзпечати» тонюсенькую книжицу «Летела гагара», вышедшую в библиотечке журнала «Огонек». Имя автора — Николай Тряпкин — ни о чем не говорило. К тому времени я, двадцатилетний, уже прочитал синий том Марины Цветаевой в серии «Библиотека поэта»; знакомая продавщица книжного магазина даровала мне из-под прилавка (естественно, за мои деньги) красивую, отпечатанную на мелованной бумаге разными шрифтами, черным и красным цветом книгу стихотворений Роберта Рождественского «Радиус действия»; я с нетерпением ждал каждый новый номер журнала «Юность», в котором часто печатались тот же Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и другие поэты-шестидесятники, восхищаясь, как они ловко обращаются со словами, как смело дек-

ларируют свои убеждения и чувства, высказывают парадоксальные мысли.

Открыл «Летела гагара». Стихотворение, давшее название сборнику, началось так:

Летела гагара,
Летела гагара
На вешней заре.

Летела гагара
С морского утеса
Над тундрой сырой.

А там на болотах,
А там на болотах
Брусника цвела.

А там на болотах
Дымились туманы,
Олени паслись.

Казалось бы, самые обычные простые слова, традиционный размер, разве что рифм нет, никакого открытия в этих строчках, но почему-то они привлекали, даже завораживали. Может быть, такое впечатление они произвели на меня еще и потому, что в дальневосточном краю, где тогда жил, как и на русском Севере, о котором стихотворение, тоже на болотах брусника цвела, дымились туманы, олени паслись.

Близкими были и такие строки:

Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!

Древняя сказка прялки,
Зимний покой в избе,
Слышу тебя издалека,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
Песню пою тебе.

Николай Иванович Тряпкин

Все, о чем рассказано в стихотворении «Скрип моей колыбели», мне было знакомо с детства. Правда, наш дом мы не называли избой, но он был тоже деревянным, и прялка у нас была, и моя колыбель качалась на железном кольце на побеленной матице, и моя бабушка, добрейшая Елена Артемьевна, поволжская крестьянка, напевала народные песни и ведала чудесные сказки.

Шли годы. Я все меньше приобретал книги эстрадных поэтов, мне стала ближе лирика Владимира Соколова, Анатолия Жигулина, Николая Рубцова, Игоря Шкляревского, Станислава Куняева, и, конечно же, все чаще брал в руки сборники Николая Тряпкина, чтобы еще и еще раз их перечитать. Я стал понимать: чтобы накрутить что-нибудь этакое современное и смелое, якобы мудреное, достаточно определенной образованности и усердия ума, а вот чтобы проникнуть в глубины истории и времен, требуется истовая работа души и причастность к народной жизни. И непременно врожденный поэтический дар. Вот цитата:

Старинные песни, забытые руны!
Степные курганы, гуслирные струны!
Далекая был!
Давно пронеслись те года и походы,
И все принакрыли извечные воды,
Ивняк да ковьель.
<...>
И снятся мне травы, давно прожитые,
И наши предтечи, совсем молодые,
А Время поет.
И рвутся над нами забытые страсти,
И гром раздирает вселенские снасти,
А колокол бьет!

Это стихотворение «Старинная песня» с эпиграфом из «Слова о полку Игореве» «Что мне шумит, что мне звенит далеке рано пред зорями...» поэт написал в 1973 году, его слова «А колокол

бьет!» с восклицательным знаком оказались пророчеством того, что случится со страной, народом и всеми нами в недалеком будущем.

* * *

В последних числах мая 1993 года руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов и я приехали в Москву на заседание приемной коллегии Союза писателей России. Рассматривались документы на прием кого-то из наших литераторов, и мы решили его поддержать. А раньше Володя рассказал, что, когда он был в Доме творчества писателей в Переделкино, познакомился с Николаем Тряпкиным. Предложил: «Давай ему позвоним». Позвонили, и Николай Иванович пригласил нас в гости.

Ехали долго, сначала на метро, кажется, с пересадкой, потом на автобусе. Далее строки из моего дневника:

«Дверь открыл сам поэт. Пожал нам руки. Поприветствовал, сильно заикаясь. Пронзительно голубые глаза, добрая улыбка, седые волосы, которые только и указывали, что хозяину скоро 75 лет.

Провел по квартире, сказал, что до этого долго жил в Реутове, что у него впервые появился свой настоящий кабинет. Новой квартирой он явно гордился.

Мы, естественно, прихватили с собой бутылочку. Поставили на стол. Николай Иванович предупредил, что жена не поощряет это дело, но она ушла на рынок. И тут вернулась его жена. Поздоровалась. Увидела бутылку, всплеснула руками: «Коля, что же ты гостей ничем не угощаешь?» Пошла на кухню, принесла тефтели, что-то еще. Пояснила: «Я на рынок хожу к закрытию, когда цены на мясо снижают. Покупаю обрезки, пропускаю через мясорубку, котлеты, тефтели делаю. Правда, вкусные?»

Угощение действительно было вкусным. Но слово «обрезки» неприятно резануло. Было понятно, что семье поэта, как и многим в наше время, живется материально трудно. Книги у Тряпкина давно не выходили, публикаций в периодике было мало. Правда, Николай Иванович сказал, что Союз писателей ему, Борису Примерову, Василию Казанцеву и кому-то еще назначил стипендию, но она мизерная.

Застолье, конечно, не обошлось без стихов. Я читал, от волнения запинаясь или спотыкаясь, как говорила моя бабушка. Николай Иванович посоветовал: «А ты стихи пой, как я». И начал... И мы услышали его мелодичный голос с удивительными переливами, сильный и раздольный. Он пел знакомые мне стихотворения «Летела гагара», «Скрип моей колыбели», «А на улице снег...» и другие, но они обрели как бы новое звучание и более глубокий смысл. Так вот почему в названиях его стихотворений много раз повторяется слово песня: «Песнь о зимнем очаге», «Песнь белой тундры», «Песня о великом нересте», «Песни мои», «Извечная песня» и другие.

В гостях мы пробыли больше трех часов. Пригласили Николая Ивановича в Белгород на Дни литературы. Он обещал приехать, если позволит здоровье. И еще. Он обратил внимание на мой

длинный галстук цвета переливистой вечерней морской волны. Заметил: «Я тоже люблю такие. Но теперь в шкафу висят, некуда их надевать».

Однако в Белгород поэт не приехал. В том же октябре в России жизнь катастрофически перевернулась, из танков был расстрелян Белый Дом с Верховным Советом РСФСР, а потом и развалилась великая страна. Случился конфликт и в семье поэта, из-за чего он ушел из своей квартиры. Жил, где придется. Я читал в газете «День» его горькие строки:

И ни отцов тебе, ни отчего завета,
Ни дедовских могил, ни чести, ни стыда.
Ирония судьбы! В дом русского поэта
С приплясом ворвалась хитровская страда.

И такие:

Не жалею, друзья, что пора умирать,
А жалею, друзья, что не в силах карать,
Что в дому у меня столько разных свиней,
А в руках у меня ни дубья, ни камней.

Дорогая Отчизна! Бесценная мать!
Не боюсь умирать. Мне пора умирать.
Только пусть не убьет стариковская ржа,
А дозвошь умереть от свинца и ножа.

А еще неожиданные, совершенно не типичные для «отверженного поэта», как назвал его критик Владимир Бондаренко:

ВЕРБНАЯ ПЕСНЯ

За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси наше счастье земное.
О Господь! Наклонись надо мной.
Задичали мы в прорве крошечной.
Окропи Ты нас вербной водой.
Осени голосистой скворешней.
Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вавилоны, —
Что срывал я Твои купола,
Что кромсал я святые иконы!
Огради! Упаси! Защити!
Подними из кровавых узилищ!
Что за гной в моей старой кости,
Что за смрад от бесовских блудилищ!
О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси мое счастье земное.
Подними Ты наш красный Союз
До Креста своего аналоя.

Поэт, не обласканный никакой властью, выступал как защитник и радетель за благо своей страны, обращаясь с мольбой к Иисусу Христу, чтобы Он оберег великую Россию от страшной участи — кануть в небытие.

В последние годы Тряпкин написал ряд стихотворений, посвященных близким ему людям и друзьям: Павлу Антокольскому, который первым поддержал молодого поэта; Федору Панферову, редактору журнала «Октябрь», в котором была опубликована его дебютная подборка; критику Вадиму Кожиннову, поэтам Владимиру Семакину и Марку Соболю. Вот строки из послания последнему:

Дружище Марк! А ты совсем не зверь,
Да ведь и я люблю тебя доселе.
Давай-ка, брат, сойдемся и теперь
И вновь по чарке глинем в Цэдээле.

Для нас ли дым взаимной чепухи?
Поверь-ка слову друга и поэта:
Я заложил бы все свои стихи
За первый стих из Нового Завета.

Скорблю, старик, что наш ХХ век
Столь оказался и сварлив, и смраден.
Хвала Творцу! Хотя ты-то не генсек —
И нынче мне особенно отраден.

А посему — не упрекай меня,
Что вот стучусь в твое уединенье.
Давай-ка вновь присядем у огня,
Что мы когда-то звали вдохновеньем.

Он словно подводил итоги своей жизни, своего творчества, прощаясь с теми, кто ему был дорог, и тем, что ему было дорого.

Николай Иванович Тряпкин ушел из жизни 21 февраля 1999 года. В центральных средствах массовой информации об этом не было ни слова.

* * *

Самое полное собрание сочинений Николая Тряпкина, насколько я знаю, — книга «Горящий Водолей» («Молодая гвардия», 2003) с обстоятельным и умным предисловием Сергея Куныева. Он назвал его «одним из драгоценнейших русских поэтов второй половины ХХ столетия».

А вот слова Юрия Кузнецова: «Нико-

лай Тряпкин близок к фольклору и этнографической среде, но близок как летящая птица. Он не вязнет, а парит. Оттого в его стихах всегда возникает ощущение ликующего полета... Бытовые подробности отзываются певучим эхом. Они дышат, как живые. Поэт владеет своим материалом таинственно, не прилагая видимых усилий, как Емеля из сказки, у которого и печь сама ходит, и топор сам рубит. Но это уже не быт, а национальная стихия. В линии Кольцов — Есенин, поэтов народного лада, Тряпкин — последний русский поэт. Трудно и даже невозможно в будущем ожидать появления поэта подобной народной стихии. Слишком замутнен и исковеркан русский язык и сильно подорваны генетические корни народа. Но если такое случится — произойдет поистине чудо. Будем на это надеяться, а я уверен в одном: в XXI веке значение самобытного слова Николая Тряпкина будет только возрастать».

Я не критик, не литературовед, считаю, что не имею права давать оценку творчества поэта, одаривать его велеречивыми эпитетами «значимый», «большой», «великий», я просто читатель и повторю, что часто обращаюсь к стихотворениям Николая Тряпкина. Приведу лишь еще две цитаты. О Родине. Стихотворение называется «Мать».

Гляжу на крест... Да сгинь ты,
тьма проклятая!

Умри, змея!

О Русь моя! Не ты ли там — распятая?

О Русь моя!

Она молчит, воззревши к небу звездному

В страде своей.

И только сын глотает кровь железную

С ее гвоздей.

О себе и своем творчестве:

Нет, я не вышел из народа.

О чернокостная порода!

Из твоего крутого рода

Я нигде не выходил.

И к белой кости, к серой кости

Я только с музой езжу в гости.

И на всеобщем лишь погосте

Меня разбудит Гавриил.

...А петь свои стихи, как советовал Николай Иванович, я так и не научился.